

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
И ИСТОРИЯ НАУКИ

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ОБЛИК
НАРОДОВ МИРА

ФИЗИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ
И ЭВОЛЮЦИЯ ЧЕЛОВЕКА

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

ЭТНОСОЦИОЛОГИЯ
И КРОССКУЛЬТУРНАЯ
ПСИХОЛОГИЯ

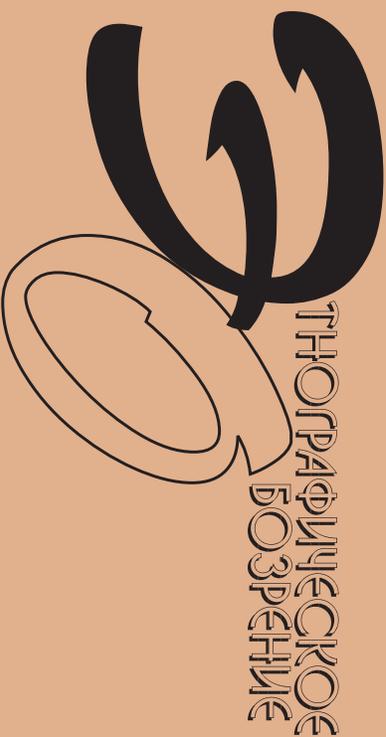
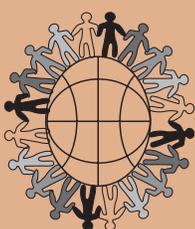
МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ И КОНФЛИКТЫ

ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ISSN 0869-5415 Этнографическое обозрение, 2016, № 4

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

2016

4

№ 4
2016

© Д. Шартье

ЧТО ТАКОЕ “ВООБРАЖАЕМЫЙ СЕВЕР”?

Ключевые слова: Арктика, Север, образы, культура, многоязычие, поликультура, этика научных исследований, плюридисциплинарность, зима

Север – это пространство, которое на протяжении веков воображали и представляли себе художники и писатели западного мира, что с течением времени привело к последовательному наложению слоев дискурсов, к созданию “воображаемого Севера”¹. Представители Запада достигли Северного полюса лишь век тому назад, что делает “Север” результатом двойного восприятия: извне – внешних, прежде всего западных, представлений, и изнутри – северных культур. Если мы желаем изучать “Север” в его совокупном единстве, то должны задать два вопроса: как определить Север через представления о нем? На основании каких этических принципов должны мы рассматривать северные культуры, чтобы охватить их все – в том числе и те, значение которых до сих пор преуменьшалось Югом? Мы ответим на эти два вопроса, прежде всего определив “воображаемый Север”, а затем предложив интегративную программу для “усложнения” культурной Арктики.

На протяжении веков художники и писатели западного мира воображали и представляли себе мир холода. При более внимательном рассмотрении этот мир принимает форму отличающихся друг от друга, но предстающих чаще всего в смешении образов (“Севера”, Скандинавии, Гренландии, Арктики, Южного и Северного полюсов или даже зимы), опирающихся на упрощение форм (горизонтальность) и цветов (белый, светло-голубой, оттенки розового), на присутствие льда, снега и других признаков холода, на моральные и этические ценности (солидарность). Помимо этого они связаны с областью, находящейся “за пределами” и означающей начало Арктики и конец европейской ойкумены – той областью, где лежит мир “природный”, неизведанный, пустынный, необитаемый и удаленный: Крайний Север. Совокупность этих представлений – мы к ним еще вернемся – образует знаковую систему, которую я называю здесь для удобства “образами Севера”.

Подобно любому воображаемому пространству, “Север” является результатом двойного восприятия: извне и изнутри, что можно увидеть в “представлениях” о Севере и в произведениях “северных культур”. Первые, являющиеся плодом воображения в основном немецкого, французского, английского, затем североамериканского, практически не делают различий между различными культурными пространствами территории и обращают свой взгляд к Арктике и полюсам, уделяя мало внимания местным культурам (инуитов, саамов, кри, инну, скандинавов и т.д.). Вторые выходят иногда за собственные пределы (так, в частности, обстоит дело со скандинавскими культурами, отношение к которым в Европе однозначно положительное), что неприложимо, однако, к автохтонным культурам, которыми долгое время пренебрегали, иногда в риторических целях – для усиления образа Арктики необитаемой и безлюдной, ча-

Даниэль Шартье – проф., руководитель Международной лаборатории сравнительных междисциплинарных исследований репрезентаций Севера Университета Квебека (Монреаль), e-mail: chartier.daniel@uqam.ca; статья подготовлена по проекту РФФ № 14-38-00031.

сто – исходя из устойчивых политических и этнических предрассудков. Как бы там ни было, “представления о Севере”, созданные извне, и “северные культуры” территорий “Севера” мало пересекаются, представляя собой, по большей части, отличающиеся друг от друга слои дискурса, притом что и те, и другие связаны с одной и той же территорией. Это расхождение может наблюдаться и в отношении других воображаемых территорий, но воображение Севера, в особенности “Крайнего Севера”, отличается тем, что оно в течение веков основывалось более на дискурсе, чем на опыте, а это усилило автономный характер слоев дискурса “изнутри” и “извне”. Напомним, что человек достиг Северного полюса лишь сто лет назад, тогда как воображал он его в течение тысячелетий. Наконец, необходимо напомнить два социополитических феномена, влияющих на воображение и восприятие Севера и Арктики: с одной стороны, общий контекст колонизации автохтонного населения, который усилил замалчивание культурных и гуманитарных аспектов холодных территорий, а с другой – общая тенденция в управлении “Севером” доминирующими державами Юга, действующими исходя из имеющихся у них знаний, мало связанных с опытом, и своих собственных нужд, что не может не повлечь за собой неизбежные искажения.

Таким образом, имеются “представления” о Севере и Арктике, чаще всего западные, легкодоступные и отличающиеся семиотической связностью (упрощенной), и “культуры” Севера: некоторые – хорошо известные (России, Скандинавии), другие – практически неизвестные (остальных циркумполярных областей и автохтонного населения). Если мы желаем изучать “Север” в его целостности и с учетом его неравномерно известного многообразия, мы должны задать два вопроса, на первый взгляд, далеких друг от друга: как определить Север через представления о нем? На основании каких этических принципов должны мы рассматривать северные культуры, в том числе те, значение которых до сих пор преуменьшалось Югом, чтобы получить о них полное представление?

Определение Севера через воображаемое

Совокупность дискурсов о Севере, зиме и Арктике, которые мы можем проследить как в плане синхронном (для данного периода), так и диахронном (для конкретной культуры), дискурсов, созданных разными культурами и в разных формах, накопленных на протяжении веков согласно двойному принципу синтеза и конкуренции², образуют то, что можно назвать воображаемым Севером. Речь идет о множественной и подвижной знаковой системе, по-разному функционирующей в зависимости от контекста высказывания и рецепции.

Развивая десять лет тому назад это понятие “воображаемый Север”, я параллельно выдвинул гипотезу о том, что за различными культурами и не совпадающими восприятиями Севера кроется единая эстетическая основа, которую можно затем разложить на характеристики, не определяющие Север каждая в отдельности, но составляющие совокупность оригинальных черт, присущих тому, что представляет собой Север с точки зрения культуры. Совокупность знаков, выработанных на протяжении веков западной культурой для репрезентации идеи Севера, постоянно обновляется, причем сегодня в этом обновлении участвуют наконец-то принимаемые во внимание автохтонные и региональные культуры, которые подтверждают или модифицируют отдельные ее характеристики. Воображаемый Север, таким образом, представляет собой живой, “органический” ансамбль, эволюционирующий в разных исторических периодах и контекстах; как любая знаковая система, образы Севера позволяют раскрыть воображаемый мир частичным называнием его характеристик, что ведет к экономии средств для репрезентации. Например, эту функцию сегодня выполняет светло-голубой цвет. Достаточно использовать этот цвет, чтобы вызвать у читателя или у зрителя идею о

целом мире холода, необъятности и льда, что отсылает его к системе знаков в их совокупности.

Так же, как в случае с любой системой представлений, сформированной на протяжении столетий, чтобы размежеваться с ней или оспорить ее основы, необходимо ее деконструировать или переработать: именно это с большим умом делают создатели первого инуитского полнометражного художественного фильма “Атанаржуат” (*Atanarjuat*)³, перебирая одну за другой типичные для западной культуры характеристики Арктики, чтобы разрушить их⁴. Они знают, что зритель *владеет кодами* созданной западной культурой знаковой системы, каковой являются образы Севера, и используют их, чтобы предложить новое восприятие этой территории, которое добавляется к предыдущим и смещает акценты проблем и кодов. Подобно тому, что происходит в процессе чтения, описанном Вольфгангом Изером, культура получает, накапливает, располагает, сталкивает между собой новые высказывания, которые питают и направляют воображение Севера (*Iser* 1985). Последнее сохраняет внутреннюю логику, двигаясь в направлении новых культурных высказываний, отфильтрованных в процессе накопления и конкуренции. Например, премия Каннского фестиваля позволила фильму “Атанаржуат” сыграть определенную роль в современной ориентации воображения Севера; если бы этой премии не было, фильм, безусловно, внес бы свой вклад в копилку дискурса этого воображения, но не сумел бы столь существенно сместить коды.

Введение понятия “Воображаемый Север” изменяет способ понимания этой территории таким образом, чтобы включить в него культурные и гуманитарные аспекты, а также открывает поле для критики, чтобы суметь уловить эстетическую и политическую природу связей между представлениями, воображением, территорией и культурой. Говорить о воображаемом Севере – значит подразумевать наличие связи между культурными репрезентациями и территориями, что далеко не очевидно, или, что то же, полагать, что *реальное* место может иметь влияние на формы представлений о нем. На первый взгляд кажется, что это идет вразрез с модернизмом и постмодернизмом, которые утверждают самоопределяемость художественных форм, но только если не рассматривать понятие “места” в перспективе культурного конструирования, тоже регулируемого собственными правилами. Остается выяснить, какова связь между *реальным* местом и *воображаемым* местом, что позволяет сделать *идея места*, когда она определяется как наложение или конкуренция дискурсов. Это означает, что материальное не обязательно порождает идею места, и наоборот, что дискурс не может быть полностью отделен от понятия *реальности*. Место формирует сложную гуманитарную комбинацию, созданную из опыта, дискурса, материального, культуры и памяти. Все это отсылает к действительному, к человеческому и к реальности, будь она материальной, дискурсивной или семиотической.

Вопреки привычному дискурсу резонно задать вопрос: может ли Север рассматриваться как “место”/“локус” в западной культуре? Ознакомление с историей репрезентации Севера убеждает скорее в том, что “Север” был определен как “пространство”, но не “место”: акцент на характеристиках, связанных с пустотой, необъятностью и белизной привел к разработке системы представлений, порой игнорирующей человеческий опыт на этой территории⁵. На протяжении веков феноменологическое знание о Севере давалось с трудом: Запад предпочитал рассматривать Север как территорию за пределами Ойкумены (которую, тем не менее, усиленно пытался исследовать и осваивать, что заняло немало времени, одновременно выстраивая представления о нем на основе текстов) и, следовательно, изъятую из системы знаний. Кроме того, Запад игнорировал (сначала по неведению, потом намеренно) дискурс тех, кто там живет (инуитов, саамов, кри, и т.д.). Во многих западных рассказах Север отсылает к нейтральной матрице, на которой можно поместить повествование безотносительно к материальной или феноменологической реальности, при условии соблюдения некоего набора критериев и характеристик, присущих воображаемому Северу. От рассказов

путешественников до поэзии, от массовой культуры, кинематографа до визуального искусства, от песен до приключенческих романов – все эти репрезентации отсылают к Северу, который можно рассматривать в исторической перспективе как человеческую и культурную конструкцию, некое широкое эстетическое целое, пересекающее эпохи, жанры, техники и культуры, приспосабливаясь к контекстам. Культуры, позиционирующие себя как северные, сочетают в себе часть универсального и часть особенного: так, Исландия на свой манер присвоила себе воображаемый Север, добавив его к другим слоям идентичности, которые ее определяют (островной характер, принадлежность к Скандинавии и т.д.).

Таким образом, разговор о воображаемом Севере требует рефлексии об идее *места*, об отношениях между местом материальным, обжитым, воображаемым и представляемым, о понятиях пространства и места, о системном и диахронном устройстве знаковой системы, о поликультурности, о частном и универсальном, о включении и исключении определенных дискурсов западного определения Севера. Это целая программа – методологическая, теоретическая, эстетическая и политическая, еще в значительной мере незавершенная, но позволяющая наконец-то включить культурные и гуманитарные аспекты в исследования Севера и Арктики.

Эта знаковая система характеризуется двойной особенностью: она разработана не теми, кто проживает в этих районах, а по большей части теми, кто никогда там не был. Это не умаляет ее когерентности и весомости дискурсивного и имажинативного подходов, но создает серьезные проблемы для истинного понимания холодного мира, признания дискурсов, потребностей и устремлений тех, кто там живет, а также, с культурной и интеллектуальной точек зрения, для их собственного осмысления Севера, Арктики и холодного мира. В силу своей историчности эта система также требует – по причине внешнего дискурса о территориях, осмысляемых скорее как пространства, чем места, и контролируемых державами, видевшими в них лишь источник средств для собственного существования – соблюдать некоторые этические ограничения и предписания, чтобы выявить всю присущую ей сложность.

Интегративная программа для “усложнения” культурной Арктики

Исследование воображаемого Севера означает анализ с позиции поликультуры и циркумполярности различных представлений о Севере, о зиме и Арктике в междисциплинарной парадигме. Основываясь на концептах культурной квинтэссенции Севера и зимы, а также на определении Севера “прежде всего как культурного дискурса, применяемого конвенционально к данной территории” (Chartier 2004: 7), можно исследовать историческую эволюцию и вариации этого дискурса, и вследствие этого – эволюцию идеи об Арктике и о Севере.

Предлагаемая мною интеллектуальная позиция нацелена на выработку новой междисциплинарной перспективы изучения Севера и Арктики, интегрирующей науку, историю, общественные представления, искусство и литературу. Такая интеграция осуществляется путем изучения представлений (понимаемых как “образы” Севера и Арктики: медийные, научные, художественные и т.п.). Эти представления издавна воодушевляли многих ученых, а иногда служили источником вдохновения для новых открытий. Эти представления (в частности, сформированные миноритарными или маргинальными культурами) создают условия для поведенческих и социальных изменений. Таким образом, культурные и иные представления являются определяющими в истории, так как могут иметь далеко идущие последствия для многих сфер познания.

Такая перспектива создает условия для небывалой до сих пор встречи на общей почве различных исследовательских традиций, которые объединяются, чтобы попытаться осуществить то, к чему долгое время призывали исследователи Севера: “междисциплинарный” и “поликультурный” подход в изучении Севера и Арктики,

единственно возможный для учета сложности и хрупкости этой социокультурной экосистемы.

Защищая идею циркумполярной, а не территориальной, как это было прежде, концепции холодного мира, мы позиционируем его как единое целое, требующее совместных решений, совместной рефлексии, совместной позиции, но с учетом образующих его различных культур и языков. И в этом контексте представляется невозможным предложить приемлемое видение холодного мира, не выразив его многоязычным, поликультурным и нередко конфликтным способом. Исследования культуры Севера, опирающиеся на изучение культурных представлений, стремятся, таким образом, к выработке нового взгляда на отношения человека и его воображаемого – посредством дискурсивного анализа проблематики Севера, Арктики и зимы, а также благодаря мультинациональному, междисциплинарному и плюралистскому подходам.

Рассмотрение культурных и гуманитарных аспектов является необходимой и неотъемлемой частью любого исследования *Севера* и *на Севере*; вместе с тем именно о них часто забывают и ими пренебрегают северные и арктические программы, соглашения, направленные на управление холодным миром, а также научно-технические исследовательские проекты. К примеру, историческое соглашение, заключенное в 1977 г. с инуитами и кри Севера Квебека (*Конвенция о развитии залива Джеймса и Севера Квебека*⁶) и часто приводимое в качестве образца первых современных соглашений между правительством и коренным населением, не содержит никакого упоминания о культуре, за исключением традиционных практик, которые имеют непосредственное влияние на совместное или исключительное землепользование. Игнорирование культурных и гуманитарных аспектов Севера ведет к отрицанию сложных связей и представлений циркумполярного мира и может привести к созданию политики, не адаптированной для северных территорий. В этом смысле необходимы размышления о принципах, методологии и практиках, на которых строится определение Севера и Арктики в социокультурной перспективе, поскольку они имеют фундаментальные политические и этические последствия.

Следует упомянуть о некоторых базовых принципах и интеллектуальных позициях дефиниции Арктики, среди которых: разнообразие терминов, охватываемых этим понятием; необходимость циркумполярной перспективы; междисциплинарность; учет точки зрения коренного и пришлого населения; “природные” и урбанистические аспекты; многоязычие; межкультурный подход; необходимость выработки новых терминов для “усложнения” Арктики.

Беглый взгляд на терминологию, используемую для обозначения и выделения *холодного мира*, обнаруживает взаимоналожение определений, которые частично пересекаются, частично отличаются друг от друга, а иногда используются безразлично. Разумеется, есть термины *Арктика*, *Антарктика*, *полярные регионы*, *Северный полярный круг*, которые отсылают к достаточно хорошо определенным территориям, однако их жестко очерченные границы вызывают сомнения у географов. Кроме того, есть понятия “Север”, “холодный мир”, “зима”, отсылающие к более расплывчатым представлениям, различающимся в зависимости от позиции говорящего: что такое холод? Как определяется Север относительно того, кто находится в Лондоне, в Мехико, в Буэнос-Айресе, Нууке или в Якутске? Помимо этого, имеются историко-политические совокупности: Скандинавия, Россия, Сибирь, Канада, Нунавик, Аляска. Наконец, существуют группировки, которые накладываются на эти совокупности: инуитский мир, Северо-атлантический регион, циркумполярная зона, циркумнордическая зона и т.д. Каждый термин имеет свое значение и выделяет определенные характеристики (географические, политические, язык, культуру, климат), при этом часто пренебрегая другими. Каждый из этих терминов смещает границы употребления других терминов, которые определяют в общем смысле холодный, полярный, арктический, нордический

и зимний мир. Учет существования этих понятий позволит, по крайней мере, уточнить объект осмысления и исследования Севера.

Большинство исследователей арктического мира настаивают на рассмотрении региона как *циркумполярного “целого”*, как совокупности различных государств, наций, культур, истории и отношений. Арктика должна определяться через себя самое как идея, тогда как исторически она мыслилась, определялась и управлялась скорее под влиянием Юга. Так, Икалуит долго зависел от Оттавы, Фэрбенкс от Вашингтона, Нуук от Копенгагена, Якутск от Москвы. С точки зрения культуры, как мы видели, в представлении Запада Арктика является смешением культур Англии, Германии, Франции, к которому прибавилась также народная североамериканская культура. С точки зрения материальной эксплуатации, железная дорога перевозит с Севера полезные ископаемые, в которых Юг нуждается для своего развития; линии электропередач несут электричество в большие города, дороги позволяют древесине попасть на рынки Юга. Таким образом, Север осмыслен “южноцентричной” культурой и обеспечивает материальные потребности Юга. В этой перспективе не стоит удивляться “упрощению форм и функций”, когда речь идет о культурной репрезентации Севера и Арктики⁷: *далекий, пустой, чистый, “находящийся в опасности”, чарующий, белый, холодный, покрытый льдом* – свои характеристики Север получает “извне”⁸, в системе мышления, ограничивающей его воображением и материальными потребностями Юга. Напротив, “циркумполярное” видение настоятельно потребовало бы взгляда на Север как таковой, в онтологическом и определяющем порядке, учета связей составляющих его частей, а также различий между культурами, положением и историей этих составляющих. Такая точка зрения позволяет представить Север как единство, одновременно самоопределяющееся и разнообразное, обнаруживающее богатство и сложность.

По мнению квебекского лингвиста и географа Луи-Эдмона Амлена, Север и Арктику нельзя рассматривать в монодисциплинарной перспективе: “Монодисциплинарный подход не позволяет выработать достаточно знаний, уместных и необходимых для понимания этого сложного вопроса” (*Hamelin 1996: 86*).

Ввиду своей хрупкости, особого климата и недостаточной изученности *Север должен рассматриваться с плюридисциплинарной точки зрения*, которую можно определить как холистическую, что близко к инуитским понятиям *tuna* и *sila*. То, что истинно для любого другого региона, истинно вдвойне для регионов со столь хрупкой социокультурной экосистемой. А это предполагает постоянный диалог между естественными и социальными науками, но также между социальной наукой и культурологией, между культурологией и практиками культурного творчества. Этот междисциплинарный подход не роскошь, а настоятельная необходимость для любого проекта, связанного с исследованием или эксплуатацией Севера.

Некоторые географы сравнивают Арктику со Средиземноморьем: разумеется, не по причине климата, а по причине того, что вокруг полюса живут самые разные народы, коренные (инуиты, кри, саамы, инну и др.) и пришлые (исландцы, финны, русские, американцы и др). Поэтому исследование Севера без учета *позиций как коренного, так и пришлого населения* может привести к неверному истолкованию региона. Исключение одного из этих компонентов не позволит правильно оценить совокупность отношений, представленных на Севере.

Существует важное этическое предписание для исследований: исторически сложилось так, что голоса местного населения игнорировались и практически не сохранились в виде культурных институтов, поэтому они требуют к себе особого внимания. Здесь уместно привести пример поселения Эброн на побережье Лабрадора. Эта деревня, населенная инуитами, находилась в административном ведении моравских миссионеров, действующих от имени правительства Ньюфаундленда; поставки туда осуществляла Компания Гудзонова залива. В 1959 г. административное решение самым варварским образом положило конец существованию этой деревни. Желаящие

восстановить сегодня события, приведшие к этой трагедии (многие насильственно переселенные инуиты умерли вскоре после ликвидации их деревни), могут ознакомиться с правительственными архивами Ньюфаундленда. Они без труда найдут сводки и отчеты Компании Гудзонова залива, бывшие предметом публикаций и объектом охраны национального достояния; так же легко они смогут ознакомиться с подробнейшей перепиской моравских миссионеров, которая перенесена на цифровой носитель и доступ к которой можно получить в архивах конгрегации. Чего же здесь не хватает? Реакций, мнений и голосов инуитов, канувших в небытие из-за того, что у них не было институциональных инструментов для сохранения своей памяти. Чтобы возникнуть из небытия, точка зрения коренного населения требует от исследователя особого внимания. Иногда, за невозможностью ее обнаружить, нужно будет оставить место для “истории молчания”, свидетельствующей о политике силы на Севере, чтобы честно и этически корректно рассказать о некоторых исторических событиях. История Эброна, охарактеризованная Кароль Брис-Беннетт как “экспроприация”⁹, тому яркое, но, конечно же, не единственное свидетельство.

Арктика в общепринятом представлении являет собой белый мир, холодный, далекий, нежилой и необитаемый, пустой и замороженный. С такой точки зрения Арктика рассматривается как природная и неурбанизированная. Находящаяся вне Ойкумены, она символизирует для культуры тщету и запустение. Следует признать, что арктический регион менее заселен по сравнению с регионами с умеренным климатом. Распределение народонаселения Земли свидетельствует о ярко выраженной концентрации населения в широком поясе вокруг экватора. Но между тем в холодном мире также есть деревни, города и даже метрополии, которые противостоят вызовам гуманитарного, социального, технического, культурного и энергетического порядка, не считая ярко выраженных перепадов между летними и зимними температурами, усложняющих архитектурные решения. Так, например, Монреаль с его 3,5 миллионами жителей может считаться самым холодным большим (с более чем миллионным населением) городом в мире – и не из-за того, что он находится на 45 градусе северной широты, а из-за суровости и продолжительности в нем зимы. Помимо собственно климатических сложностей – что значит жить в городе, где климат меняется от субтропического к субарктическому, с социокультурной точки зрения? Влияние условий Севера на обустройство, городское планирование, управление ресурсами, коллективную и индивидуальную адаптацию образа жизни до сих пор недостаточно изучено, поскольку популярный образ Севера – это малонаселенный, пустынный регион. Но это не всегда так. Созданный образ вновь мешает увидеть сложность Севера и Арктики. Чтобы понять циркумполярный мир, важно учитывать *проблемы как городских, так и не-городских районов*.

Чтобы понять различные точки зрения, которые противопоставляются и взаимодействуют в циркумполярном мире, необходимо признать, до какой степени различные языки – коренного, пришлого населения или иностранные – определили его идею и парадигмы. Мало распространенные в мире, но бытующие на Севере языки (например, датский или норвежский) оказали огромное влияние на определение Арктики, в частности, благодаря путешественникам из этих стран, оставившим множество путевых заметок. Иностранные языки, например, немецкий, менее связаны с освоением Севера и колониальной экспансией, но сыграли огромную роль в понимании Севера. Наконец, циркумполярный регион – это тот регион, где языки коренных народов остаются самыми жизнеспособными: например, кри, инуктитут, гренландский, якутский языки широко используются в быту, в творчестве и культурной трансмиссии, несмотря на то, что вне зоны их первичного распространения число их носителей ограничено. Следовательно, в любой проект исследования Севера и Арктики следует включить многоязычное измерение и признать, что *моноязычие и даже двуязычие ведут к искаженному и неполному видению Севера*. Решений, хотя и непростых, существует много:

знание исследователем нескольких языков, а также перевод и многоязычные команды исследователей позволят нивелировать незнание проблемы.

Север является “межкультурной лабораторией”. В силу привычки мы видим в городах XX века первые очаги межкультурных обменов; однако удаленные друг от друга станции Арктики с момента их основания часто были местом встречи носителей разных культур, местом контактов и обменов: это были миссии, затем шахты, далее стройки плотин или же места заключения – все они изначально рассчитывались на население с различными культурами, как на выходцев из разных регионов страны, так и на иммигрантов. Кроме того, каждая циркумполярная культура является продуктом синтеза двух или более культур Юга или Севера. Мультикультурные взаимодействия имеют определяющее значение для Севера и Арктики. В разных местах наблюдается большее или меньшее смешение культур, большая или меньшая гармония отношений между коренным и некоренным населением. Например, гренландская идентичность сегодня является синтезом нескольких древних культур инуитского происхождения в сочетании с культурами миссионеров, датских колонизаторов и недавних иммигрантов.

Циркумполярность, междисциплинарность, автохтонность, взаимное уважение, многоязычие и межкультурное взаимодействие – каждое из этих понятий должно быть принято во внимание в методологии исследований Севера и Арктики. Они должны стать предпосылкой, без которой циркумполярный регион снова окажется “упрощенным”, лишится способности воспринимать себя исходя из себя самого. Кроме того, как показано в трудах Л.-Э. Амлена, Север призывает к созданию новых терминов, чтобы учесть его специфику и самобытность (*Hamelin* 1996; 2002a, b; 2014). Эти неологизмы, среди которых термины *nordicité*, *hivernité*, *glissité*¹⁰, придуманные для французского языка, сегодня широко используются, будучи переведены на многие языки других циркумполярных сообществ, что позволяет открыть новое направление для северных исследований, одновременно уважающее то общее и специфичное, что отличает Север от остального мира.

Заключение

В любом исследовании Севера и Арктики необходимо учитывать культурные и гуманитарные аспекты, хотя им не уделялось достаточного внимания в западной традиции, проецирующей на этот холодный мир, по выражению Барри Лопеса, свои “арктические мечты” (*Lopez* 1986), благодаря богатому воображению и сформированным веками рассуждений завораживающей знаковой системе, в которой, однако, не нашлось места для соображений живущих там людей, равно как и для части географической реальности региона. Следует продвигать и защищать эту идею – “вновь усложнять” Север, зиму, Арктику, чтобы восстановить “экологию реального”, которая учитывала бы богатство и разнообразие циркумполярного мира. Для этого необходимо защищать гипотезы, согласно которым: а) Север и Арктика состоят из мест, находящихся в постоянном взаимодействии; б) культурные и гуманитарные аспекты предопределяют связь с территорией; в) Север и Арктика должны изучаться междисциплинарно, с позиции поликультуры и циркумполярности; г) циркумполярная концепция позиционирует Север как целое, требующее совместных рефлексии, решений и подходов (учитывая при этом разные языки и культуры, составляющие его), а также их рассмотрения с многонациональных, многоязычных, поликультурных, и нередко конфликтных позиций.

Без этого двойного усилия – прежде всего, понимания и переосмысления в поликультурной и исторической перспективе знаковой системы, каковой являются образы Севера, затем – этической осторожности, состоящей в междисциплинарных и мульти-

языковых принципах проведения исследования в согласованности с самим изучаемым объектом, Север, зима и Арктика так и останутся пространствами, лишенными своего культурного содержания и легко сводящимися к общим местам.

Перевод с фр. О.Н. Кузьменко, научная редакция перевода – Е.И. Филиппова

Примечания

* Первый вариант статьи был опубликован в журнале “*Études germaniques*”. Мы благодарим редактора журнала за любезное разрешение на публикацию русского перевода.

¹ В оригинале – “*L’imaginaire du Nord*”. Существительное *l’imaginaire* означает буквально сферу воображаемого, однако дословный перевод – “воображаемое Севера” представляется менее удачным, чем “воображаемый Север” – вариант не просто более благозвучный, но отсылающий русскоязычного читателя к семантически близким “воображаемым сообществам” Б. Андерсона. В некоторых контекстах, когда на первый план выходит незавершенность процесса, используется альтернативный термин – “воображение Севера” (прим. науч. ред. перевода).

² Этот принцип синтеза и конкуренции дискурсов, возникший под влиянием теории прочтения, предложенной Вольфгангом Изером и вписанный в эстетику восприятия, был изложен в моей книге (*Chartier 2000*).

³ Zacharias Kunuk: *Atanarjuat*, 2001, 172 мин.

⁴ Например, никто из персонажей не страдает от голода и холода (в одной из сцен обнаженный человек бежит по льду), никто не сбивается с пути, некоторые из инуитов изворотливы и коварны, конфликты отличаются сложностью.

⁵ Об отношениях пространства и места на Севере см.: *Bellemare-Page et al. 2015*.

⁶ Об этом знаменитом соглашении и его последствиях см., напр.: *Gagnon, Rocher 2001*.

⁷ Об этих отношениях упрощения и сложности, связанных с экологическими концептами в современном творчестве, см., напр., мою статью о циркумполярном художнике Патрике Хьюзе (*Chartier 2008*).

⁸ О некоторых характеристиках Севера как дискурса см.: *Chartier 2004*.

⁹ Кароль Брис-Беннетт рассказывает об истории и последствиях вынужденного переселения автохтонного населения на Лабрадоре; это не единственный случай, и у других насильственных переселений также были трагические последствия (на Аляске, в Гренландии, в России) (*Brice-Bennett 1994*).

¹⁰ Неологизмы, образованные от существительных “север”, “зима”, а также от глагола “скользить” при помощи суффикса *-té*, означающего сущность или качество (прим. науч. ред. перевода).

Article Summary

Etnograficheskoe obozrenie, 2016, no. 4

D. Chartier. Chto takoe “voobrazhaemyi Sever”? [What Is the “Northern Imaginary”?]

Keywords: Arctic, North, images, culture, plurilinguism, pluriculturality, research ethics, pluridisciplinarity, winter.

Abstract: The North has been imagined and represented for centuries by artists and writers of the Western world, which has led, over time and the accumulation of successive layers of discourses, to the creation of “images of the North” – ranging from the “North” of Scandinavia, Greenland, Russia, to the “Far North” or the poles. Westerners have reached the North Pole only a century ago, which makes the “North” the product of a double perspective: an outside one – made especially of Western images – and an inside one – that of Northern cultures (Inuit, Scandinavian, Cree, etc.). The first are often simplified and the second, ignored. If we wish to understand what the “North” is in an overall perspective, we must ask ourselves two questions:

how do images define the North, and which ethical principles should govern how we consider Northern cultures in order to have a complete view (including, in particular, those that have been undervalued by the South)? In this article, the author tries to address these two questions, first by defining what the images of the North are and then by proposing an inclusive program to “recomplexify” the cultural Arctic.

Acknowledgements The research was supported by the Russian Science Foundation, grant no. 14-38-00031

Author: **Daniel Chartier**, The Université du Québec à Montréal (UQÀM); e-mail: chartier.daniel@uqam.ca

References

- Bellemare-Page S., Chartier D., Duhan A. et Walecka-Garbalinska M. *Le lieu du Nord. Vers une cartographie des lieux du Nord*. Québec: Université de Stockholm, Presses de l'Université du Québec, 2015.
- Brice-Bennett C. *Dispossessed: The Eviction of Inuit from Hebron, Labrador*. Happy Valley, Labrador. Labrador Institute of Northern Studies, 1994.
- Chartier D. *L'émergence des classiques*. Montréal: Fides, 2000.
- Chartier D. Simplification/Complexity of the Arctic: The Work of Norwegian Artist Patrick Huse. *Patrick Huse, Northern Imaginary*. 3rd Part. Oslo: Delta Press and Pori Art Museum, 2008, pp. 49–53.
- Chartier D. Au Nord et au large. Représentation du Nord et formes narratives. *Problématiques de l'imaginaire du Nord en littérature, cinéma et arts visuels*, éd. J. Bouchard, D. Chartier, A. Nadeau. Montréal: Université du Québec à Montréal, 2004, pp. 9–26.
- Gagnon A.-G., Rocher G. [dir.]. *Regard sur la Convention de la Baie-James et du Nord québécois*. Montréal: Québec/Amérique, 2002.
- Iser W. *L'acte de lecture. Théorie de l'effet esthétique*. Bruxelles: P. Mardaga, 1985 [1976].
- Hamelin L.-E. *Écho des pays froids*. Sainte-Foy, Québec: Presses de l'Université Laval, 1996.
- Hamelin L.-E. *Discours du Nord*. Québec: GÉTIC, Université Laval, 2002a.
- Hamelin L.-E. *Le Québec par des mots. Partie II: L'hiver et le Nord*. Sherbrooke: Presses de l'Université de Sherbrooke, 2002b.
- Hamelin L.-E. *La nordicité du Québec*. Québec: Presses de l'Université du Québec, 2014.
- Lopez B. *Arctic Dreams. Imagination and Desire in a Northern Landscape*. New York: Scribner, 1986.

**Российская академия наук
объявила прием заявок
на соискание Золотой медали РАН
за выдающиеся достижения
в области пропаганды научных знаний**

Для направления работы на конкурсе необходимо заполнить заявку, опубликованную на интернет-портале medal.ras.ru

Заявки для участия в конкурсе принимаются по адресу электронной почты csr@presidium.ras.ru

Прием работ осуществляется в срок до 30 октября 2016 года
включительно

Телефон для справок 8(499)237-54-11, 8(499)237-45-31